

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2016 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать основные тенденции современного медиадискурса. Автор выделяет и классифицирует различные маркеры современной медиареальности, такие как либертарианство, адресность, визуализация, и выявляет противоречия между ними. Кроме того, анализ различных сфер медиадискурса демонстрирует проблемы, стоящие перед современной философией.

Ключевые слова: медиареальность, иконический поворот, визуализация, адресность, медиадискурс, современная философия.

Abstract: the article attempts to analyze major tendencies of contemporary mediadiscourse. The author formulates and classifies the main markers of the contemporary mediareality such as libertarianism, visualization, addressness and analyzes the conflicts that arise between them. In addition, attempt to reveal different spheres of mediadiscourse demonstrates main problems of contemporary philosophy.

Key words: mediareality, iconic turn, visualization, targeting, mediadiscourse, contemporary philosophy.

Цифролюция, о которой так долго говорили футурологи всех мастей, свершилась. Она окончательно – и, похоже, бесповоротно – лишила нас единства в глобальном смысле. Единства в иллюзии реальности, просвечивающей за многоцветьем и многополярностью мира, той почвы, основы, которая давала основание многочисленным дискуссиям по поводу ее понимания. Существующей вне всевозможных медиа и связанных с ними манипуляциях. Сегодня меняются не просто представления о реальности, изменения коснулись способов конституирования реальности, ставших настолько сиюминутными и пластичными, что они уже не дают оснований на возможность восстановления «реальности вне медиа». Конечно, это была всего лишь иллюзия непосредственности, точнее неопосредованности реальности, но она задавала то смысловое поле, которое возделывала философия. Наверное, можно было бы возразить – мало ли «утраченных иллюзий» было в истории философии. Но здесь, все же, особый случай. Глубоким заблуждением было бы считать, что изменения в средствах (медиа) коммуникации, трансляции и представлении знаний не затрагивают того содержания, с которым работает философская мысль. Точнее, утверждение о том, что технология остается всего лишь технологией, не проникая в «святая святых» философской интеллектуальной лаборатории. Вспомним идею Маклюэна: формат медиа не является нейтральным для его содержания. Меняются не только

способы и формы изложения идей, как это могло бы показаться на первый взгляд, но и их рецепция, существование в медиaprостранстве. Как метко подметил один из основоположников медиафилософии Ф. Киттлер: «Среди так называемых гуманитарных наук философия отличается наименьшим интересом к техническим предпосылкам собственного существования. В основании этого упущения лежало и лежит, по всей видимости, понятие о понятии, которое не столько производит операции, сколько требует понимания. Понадобился целый лингвистический поворот, чтобы это понятие вновь привести в связь с разговорными языками на забвении какой-либо основывалась его автаркия. Потребовались долгие дебаты – от Хэвлока до Деррида – об устности и письменности, прежде всего у Платона, дабы взглянуть на эти языки и как на исторически изменчивые носители информации. Однако известная со времен Ницше догадка, что литература и философия имеют общие греческие истоки, так и не вылилась в философско-исторические исследования, которые бы обратили внимание на такой медиум, как книга, в его переменчивом техническом оснащении» [1, с. 173–174]. Представления о том, что философские идеи пребывают в некоем «надмедиальном» пространстве, подвергают деструкции, и она, как нам представляется, теснейшим образом связана с крушением иллюзии амедиальности реальности. Иначе говоря, анализ «устройства» медиареальности является необходимым условием для понимания не только «духа времени», современной культурной ситуации, но и возможных трансформаций философского дискурса.

Медиареальность современности переполнена смыслами, населяющими потоки образов, они ловко заполняют иконические формы, беспечно легко их покидают, передавая эстафету следующим, и так до бесконечности. Не случайно на грани веков говорить о так называемом «иконическом» повороте как маркере современной культуры. Для его обозначения используются такие конструкции, как *iconic turn*, *pictorial turn*, *imagic turn*, *visual turn* [2–4; 5, p. 141]. Мы не будем останавливаться в этой работе на выявлении различий в их смысловых оттенках, которые оказываются существенными при решении конкретных исследовательских задач, но отметим принципиальное для нас обстоятельство. За всеми этими определениями скрывается попытка показать совершенно особенную роль, которую стали выполнять медиа, связанные как раз с визуализацией, генерированием образов и «картиночного» способа восприятия и работы с информацией самого разного свойства. «Простота взгляда» перестала существовать как глубинное свойство, связывающее реальность и субъекта. Как точно отмечает В. Савчук: «Человек еще 20-летней давности видел другими глазами город, небо, воду и т.д. Мы же сейчас многие вещи просто не видим, потому что образы настолько отформатировали наше сознание, настолько отстроили конструкцию нашего взгляда, что репрессировали одни сферы, одни стороны жизни и выпятили другие» [6, с. 232]. Впрочем, далеко не все исследователи склонны видеть этот «репрессивный» потенциал современной медиасреды. Например Й. Ревев считает, что «...республика образов не

просто более демократична, чем *république de lettres*, она по большому счету впервые позволяет просвещению достичь своих целей, делая возможным превращение в световые потоки самых затемненных областей реальности, не лишая их при этом конкретности и материальности» [7, с. 90]. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы не одно существенное возражение. Предъявляя «реальность» неких конкретных объектов, засвечивая их в цифровом пространстве, современный человек вовсе не стремится к высоким идеалам просвещения, напротив, он стремительно удаляется от них, запуская механизм порождения смысловой избыточности. О переизбытке смысла как симптоме современного состояния мира одним из первых заявлял Ж. Бодрийяр. Если прежде, писал он, смысла не доставало, его производство было делом необходимым, и в чем-то даже прибыльным, то теперь происходит перепроизводство смысла, которое существенно превышает спрос на него. В соответствии с бодрийяровским прогнозом: «в конце концов, производство спроса на смысл станет неосуществимым: энергии системы на него больше не хватит. Спрос на предметы и услуги, пусть и дорогой ценой, всегда может быть создан искусственно: у системы есть соответствующий опыт. Но потребность в смысле, но желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа» [8, с. 33–34]. В этой исчезающей реальности теперь уже не существует не только объединяющих смысловых историй, метанарративов, но не остается даже фантома реальности, склеенного из микронарративов.

Перепроизводство смысла происходит одновременно со становлением бунтарского сознания обитателей киберпространства, стремлением установить границы, непрозрачные для всевозможных манипуляций. Уж коли не довелось обустроить «царство свободы» на земле, а реализация этой оборотнической утопии потребовала невиданных доселе человеческих жертв, но искушение – по-прежнему – велико, то не стоит ли попробовать в том пространстве, которое конституируют современные медиа? Так, в знаменитой Декларации независимости киберпространства, опубликованной Джоном Перри Барлоу в 1996 г., говорится: «Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами, ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас устрашить... Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как если бы оно было объектом государственного строительства. Вы не способны на это. Киберпространство является делом естества и растет само посредством наших совокупных действий» [9, с. 394–350]. Конечно, в этой декларации выражается, прежде всего, социальный антитоталитаристский пафос, но за этим вполне явственно проступает и идея отвержения также какого бы то ни было интеллектуального диктата, провозглашающего право на истинное знание.

Между тем возникает любопытный парадокс: утопическое либертарианство медиапространства, которое пользователи договорились ор-

ганизовать в соответствии с вышеприведенными заманчивыми декларациями, ускользает и оборачивается антиутопическими гранями. Как отмечает К. Санстейн [10], сетевой мир не только не приближается к искомому идеалу, но, напротив, всё ближе и ближе дрейфует к тоталитаризму. Неумение слушать и слышать других, отсутствие диалога внутри довольно жестко стратифицированного сетевого сообщества, агрессивность и эгоизм, свойственные обитателю медиaprостранства, оказываются вполне очевидными маркерами современной медиасреды. «Рынок новостей, развлечений и информации наконец-то достиг совершенства. Потребители имеют возможность видеть именно то, что они хотят. Когда власть отфильтровывать все лишнее неограниченна, то люди могут решать, причем загодя и с поразительной точностью, с чем они будут встречаться, а с чем – нет. Они могут создать что-то наподобие коммуникационной вселенной, которую они сами выбрали» [Ibid, p. 5]. Такая «сепарированность» медиасреды создает уникальную атмосферу для распространения всякого рода «вирусной» информации, конституирующей в силу отсутствия диалога между медиасообществами «единственно возможное» лишенное «воздуха», замкнутое и одновременно избыточное смысловое пространство. Стоит отметить, что одним из важных факторов, провоцирующих такое жесткое структурирование и иерархизацию медиaprостранства, изначально мыслившегося как сфера абсолютной свободы, стала адресность, возникшая с появлением новых механизмов фильтрации, создающих новые границы. Границы, заметим, в принципиально безграничном пространстве! Как точно отмечает Ю. Стракович, «с каждым годом, с каждым новым успехом фильтров, алгоритмов, нишевой навигации становится все громче разноголосый хор настаивающих на том, что в мире длинного хвоста человек навсегда остается в рамках того, что уже и так любит, что идеально укладывается в его представления, постоянно получая «культуру по запросу», по сути, замыкающей его в пределах себя самого» [11, с. 244]. Это означает, что современные технологии искусно «заботятся» о том, чтобы всё, что будет встречено субъектом на «бескрайних» просторах медиасреды, никоим образом не развеивало уже существующих у него иллюзий, предубеждений и пристрастий, но только подкрепляло в собственной правоте. Так возникает феномен «нишевой» культуры, надежно устанавливающей границы возможного и заключающей современного человека в «золотую клетку» сформированных им же пристрастий и предубеждений, которые должны оставаться неизменными.

Перепроизводство смысла, нишевость, адресность, тотальная визуализация как маркеры современного медиaprостранства приводят современного философа к формулированию вопросов, касающихся способов его собственного бытования в новых реалиях. До последнего времени философ, несмотря на атаки с разных сторон (вспомним недавние дискуссии о «конце философии»), всё же обладал значительным символическим капиталом, делавшим его, в каком-то смысле, «белой костью» среди касты интеллектуалов. Испытывало ли общество к интеллекту-

алам любовь или ненависть, по сути дела, не столь важна полярность отношения, важно понимание некоторой специальной, особой миссии, которую им надлежит исполнять. Похоже, приходится признать, что в порядке уставшей душе современника вряд ли найдется местечко для прежних сильных чувств. «Сегодня интеллеktуал, который кричит, что он понимает проблему лучше всех, абсурден. И не потому, что интеллеktуалы запятнали себя сотрудничеством с тоталитарными режимами и совершали ошибки, но потому, что сейчас остро встает вопрос: может ли в принципе кто-то что-то знать лучше других?» – вопрошает Оливье Монжен [12, с. 95]. И этот вопрос, на наш взгляд, задевает тот самый болевой нерв, который отдает в самые разные уголки интеллеktуальной среды. Собственно говоря, любая интеллеktуальная деятельность оказывается, таким образом, делом весьма сомнительным, а уж философская – тем более.

Мы вовсе не хотим сказать, что для философии вопросы о собственном предназначении, связанные с поиском своего места в культурном пространстве, являются совершенно новыми. Более того, мы сталкиваемся с очевидным парадоксом. С одной стороны, вопросы самоидентификации стояли как перед первыми греческими философами, так и с не меньшей, а подчас и большей остротой обнаруживали себя в дальнейшей истории философской мысли. Фактически каждая крупная фигура на философском небосклоне эксплицитно заявила свое понимание предмета философии, ее роли и миссии. Развитие философии невозможно себе вообразить вне этой постоянно присутствующей саморефлексии, сложной диалектики притяжения и отталкивания учений предшественников и современников. Замечательно писал об этом В. Дильтей в своей работе «Сущность философии»: «Название философии или «философского» имеет такие различные значения, в зависимости от времени и места, и так многоотличны духовные образования, обозначающиеся авторами этим именем, что можно подумать, что в различные времена прекрасное, придуманное греками слово «философия» применялось к различным духовным образованиям. Дело в том, что одни понимают под философией основоположение отдельных наук; другие расширяют это понятие философии, присовокупляя к понятию об основоположении отдельных наук еще и задачу нахождения при ее помощи связи между отдельными науками; третьи сужают понятие философии до простой связи между отдельными науками; далее философия понимается как наука о духе, как наука внутреннего опыта; наконец, под ней еще разумеют соглашение, касающееся образа жизни, или науку об общезначимых ценностях» [13, с. 8–9]. Итак, при ближайшем рассмотрении получается, что современная ситуация в определенном смысле и типична для философской деятельности, но мы всё же беремся утверждать, что она и уникальна. Что мы хотим сказать?

Философии за ее исполненную многих драматичных поворотов судьбу приходилось доказывать необходимость собственного присутствия в истории человеческой мысли в подчас довольно жестком противостоя-

нии с другими формами культуры. Но в чем же состоит принципиальная новизна современной культурной ситуации? Где искать истоки отчетливо различных в разногласии современного дискурса алармических прогнозов относительно ее будущего? Дело в том, что в современной культуре философии противостоит намного менее интеллектуальный, но намного более опасный противник. Кстати, одним из первых на это указал П. Слотердайт в ставшей теперь уже хрестоматийной работе «Критика цинического разума»: «Массмедиа впервые обрели такой масштаб охвата, которого не знала никакая рационалистическая энциклопедия, никакое художественное произведение, никакая “философия жизни”: обладая неизмеримой “емкостью”, они стремительно двинулись к тому, о чем всегда могла только мечтать великая философия – к тотальному синтезу, – разумеется, при нулевом уровне интеллекта, в виде тотального арифметического суммирования. <...> Массмедиа могут говорить обо всем, потому что они окончательно отбросили тщеславную затею философии – понять то, о чем говорится. Они охватывают всё, поскольку не схватывают и не понимают ничего; они заводят речь обо всём и не говорят обо всём равным счетом ничего» [14, с. 470]. Тотальная власть медиа покушается на те классические предметности, которыми исконно занималась философия. Создавая невидимую, но и непроницаемую стену, медиа отделяют современного человека от мира. Сама постановка проблемы о существовании неких «объективно» происходящих процессов, независимых от современных массмедиа, постепенно вытесняется на периферию общественного сознания. Как отмечал Н. Луман: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [15, с. 8].

Выходит, что философия сегодня получает двойной удар. С одной стороны, ей противостоит идеология освобождающегося от навязанного – тотализирующего – нарратива «демократического киберсообщества». Впрочем, о тотализирующем характере философского сознания всё чаще стали говорить и сами философы на рубеже веков (к примеру, протягивая нить «От Платона до НАТО» [16]). С другой стороны, философию «отторгает» медиареальность, устройство которой не предусматривает места для того вида деятельности, который является исконно философским.

Рушится и социальный, и профессиональный авторитет философа, а философия как «фабрика смыслов» выпускает продукт, которого и так слишком. В мире, переполненном знанием, никто не может претендовать на роль знающего больше других. Этот грозный тезис становится всё более популярным, но прикрывающим собой нарождающийся, – а может быть, и уже вполне окрепший, учитывая скорости современных изменений – феномен невежественного всезнайства. Противоречивость, фрагментированность знания в отдельно взятой голове теперь уже не является симптомом шизофрении, но становится частью вполне «респектабельного» интеллектуального интерьера. Вряд ли найдутся убедительные аргументы против высказывания Т. Х. Эриксона о том, что

«...в эпоху информации практически невозможно додумать до конца ни одной мысли ... мысль дробится, прерывается, и вытесняется все... что может показаться слишком объемным и тяжеловесным» [17, с. 5]. Какой смысл вкладывать усилия и тратить время на усвоение того, что уже существует как бы в готовом виде и может появиться по первому вашему требованию? Не только «культура по запросу», но и «знание по запросу» замечательным образом маркируют современную медиасреду. Такого рода знание, разумеется, не предполагает никакой работы с ним, демонстрирует виртуозное избегание человеком любого рода рефлексивных усилий. Критический пафос философии, без которого она просто утратит свои родовые черты, оказывается полностью враждебным установке на сиюминутное порождение новых образов, которые должны свидетельствовать о «бытии» субъекта в медиапространстве. Лихорадочное умножение «картинок», являющееся симптомом избегания смысловой определенности, приводит к тому состоянию, которое Ж. Бодрийяр называл «гипнотическим»: «Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина» [8, с. 40–41].

Современный философ, подобно сказочному рыцарю, оказывается на перепутье. Куда отправиться ему в поисках собственной идентичности? Как услышать «зов бытия» и самому быть услышанным? В каком направлении поймать ускользающее предназначение? Иначе говоря, какие же возможности открывает перед ним медиареальность?

Один из возможных вариантов существования философии в медиапространстве опирается, как это ни покажется странным, на работу с глубинными слоями массового сознания, которые при всей стремительности происходящих на наших глазах изменений остаются на удивление постоянными. Разбираясь в невиданной популярности конспирологии как феномена сознания современного человека, Б. Гройс высказывает мысль о том, что «в мире, в котором медиа заменили нам природу, конспирология является новой теологией. Чем была в свое время теология? Это была попытка объяснить, что происходит за поверхностью явлений. Природа понималась как покрывало Майи, а за ним происходили всякие события, типа борьбы божественных и демонических начал. В этом вся суть теологии, которая была по сути конспирологией доиндустриального периода» [18]. В каком-то смысле можно сказать, что и философия в новых медиа начинает в таком понимании уподобляться некоей версии конспирологии, ведь она постоянно только и твердит о том, что за видимостью и кажимостью скрываются иные – горние – сущности... Странная в таком случае уготована роль философу – хватать пробегающих по поисковику пользователей за рукав и убеждать их в том, дескать, лишь философ может сообщить нечто поистине важное и ценное, только ему ведомы незримые пружины, приводящие в движение части медиавселенной. И это в мире, в котором всё пронизано светом, всё подвергнуто принудительному фотоувеличению, не осталось, кажется, ни то чтобы темного, неисследованного, не могущего быть многократно рассмотренного со всех ракурсов уголка, но даже просто нечеткого, смутного снимка. Если

в последнем утверждении и таится капля иронии, то уж совсем крохотная... Не существует никаких сокровенных событий, о которых сегодня не поведано миру: ни рождение, ни любовь, ни болезнь, ни сама смерть больше не являются тайной. В мире обнаженности каким же, простите, «тайным» знанием можно увлечь фланирующего по проселочным медиадорогам человека, на которого буквально из-за каждого поворота набрасываются «очевидности» и «достоверности»?.. Остается только надеяться на мощную энергию конспирологических потенций, скрытых в сознании человека, поистине выдержавшую «проверку временем». Но в таком случае философия, скорее, будет дрейфовать к манипулятивным практикам, предав забвению свое высокое предназначение.

С другой стороны, у современного философа всегда остается возможность пойти по пути, если так можно выразиться, «нишевой» философии, стать экспертом в тех сообществах, которые интересуются локальными вопросами, так или иначе связанными с различными гранями философских штудий в самом широком смысле этого слова. В чем-то такой выбор подобен трансформациям, происходящим сегодня в сфере искусства, в частности, в изменении феномена критики (литературной, музыкальной, визуальной и др.). Как отмечают многие авторы, в современной культуре постепенно перестает существовать единый авторитет (пускай даже и представленный группой критиков, не суть важно), который в состоянии профессионально оценить некую целостную логику художественного процесса. Вполне достаточно быть экспертом для узкой группы любителей тех или иных направлений, угадывая их вкус и подсказывая то, что будет ему соответствовать. Задачей эксперта в таком случае становится адекватный отбор однообразного художественного материала, удовлетворяющего слушателя, читателя, зрителя. Можно ли будет всерьез говорить о «нишевой» философии, отказавшейся от своих тотализирующих претензий на целостное смыслопорождение и объяснение реальности, покажет время.

Впрочем, и такая экспертная деятельность может устареть буквально на глазах. К примеру, анализ поведения потенциального читателя в социальных сетях, истории его поисковых запросов уже сейчас позволяет без дополнительной информации, получаемой непосредственно от потребителя (например, путем заполнения громоздких анкет и т.д.), «вычислить» из множества литературных новинок именно те, которые ему понравятся, будут соответствовать его предпочтениям. Современные медиа легко захватывают экспертное поле, вытесняя всё большее число игроков (или тех, кто еще пребывал в этой блаженной иллюзии, считая себя игроком...). Да и как же быть с исконно философской претензией на универсальность и общезначимость? Несмотря на болезненную «прививку» постмодернизма, далеко не все современные философы готовы расстаться с высокими идеалами философского знания, берущими свое начало в античности. Например, один из влиятельных современных философов А. Бадью утверждает, что «...философия или, скорее, отдельное философское учение каждый раз по-своему разрабатывает категорию

истины. Сама по себе философия не производит истин. Она лишь выхватывает их, показывает, демонстрирует, заявляет об их существовании. Тем самым она обращает время в вечность, ибо всякая истина вечна как родовая бесконечность. Наконец, она объединяет разрозненные истины, и поэтому период ее существования – это период существования заключенных в ней истин» [19, с. 23].

Возможен ли «третий путь», позволяющий философии сохранить собственное предназначение? В связи с поисками ответа на этот принципиально важный для современной философии вопрос удивительно актуально звучат слова В. Дильтея, которому удалось предельно точно сформулировать вневременную задачу философии. Он писал: «Философский дух проявляется всюду, где мыслитель <...> подвергает проверке то, что выступает в человеке как отдельное, как темный инстинкт, авторитет или вера. <...> Он всюду, где жизненные идеалы и ценности подвергаются новой проверке. Все, что, беспорядочно или враждебно сталкиваясь, возникает в недрах эпохи или в сердце человека, примиряется мышлением; темное разъясняется, стоящее непосредственно рядом приводится в связь» [13]. Вряд ли требуется особое пояснение, насколько важна в современной ситуации такая философская работа со смыслами.

Сегодня меняется не только отношение общества к философии, но и образы философа, способы его бытования в цифровой реальности. Испокон веков философ предстал в разных ипостасях, чаще конфликтуя с миром повседневности, платя за это немалую цену, но и получая в ответ плату, пускай и в виде посмертного поклонения и восхищения. Между тем вопрос самоидентификации философа в цифровую эпоху не кажется нам связанным только с узко понятым цеховым «корыстным» интересом. Востребованность философских идей свидетельствует о готовности людей к диалогу, столкновению с Другим в самом широком смысле слова. Но – и это принципиально важно – само философское сообщество в первую очередь должно продемонстрировать готовность к изменениям, сделать первый шаг навстречу. Будут ли это изменения языка, способа бытования в медиадискурсе, коммуникативных стратегий и/или самопрезентации, так или иначе, по нашему глубокому убеждению, они должны привести к обретению философией достойного места в современном медиапространстве.

Литература

1. *Kittler Ф.* Медиа философии, философия медиа / Ф. Киттлер // *Логос.* – 2015. – Т. 25, № 2(104).
2. *Mitchell W. J. T.* *The Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation.* – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1994.
3. *Böhm G.* *Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild / G. Böhm (Hg.).* – München : Wilhelm Fink Verlag, 1994
4. *Mirzoeff N.* *An Introduction to Visual Culture.* – London ; N.Y. : Routledge, 1999.

5. *Moxey K.* Visual Studies and the Iconic Turn // Journal of Visual culture. – Los Angeles ; London ; New Delhi ; Singapore : Sage, 2008. – Vol. 7 (2).

6. *Савчук В.* Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия. Интервью / В. Савчук // Медиа философия II. Границы дисциплины. – СПб. : С.-Петербург. филос. общество, 2009.

7. *Реgev Й.* Критика фильтрующего разума. На месте одного селфи всегда находятся два / Й. Реgev // Логос. – 2014. – № 4(100).

8. *Бодрийяр Ж.* Фантомы современности / Ж. Бодрийяр // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. – М. : Алгоритм, 2015.

9. *Барлоу Д.* Декларация независимости киберпространства / Д. Барлоу // Информационное общество : сборник. – М. : АСТ, 2004.

10. *Sunstein C.* Republic.com.2.0 – Princeton University Press, 2007.

11. *Стракович Ю.* Цифролюция. Что случилось с музыкой в XXI веке / Ю. Стракович. – М. : Классика-XXI, 2014.

12. *Хапаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов : гуманитарные науки и революция понятий / Д. Хапаева. – М. : Новое лит. обозрение, 2005.

13. *Дильтей В.* Сущность философии / В. Дильтей. – М. : Интрада, 2001.

14. *Слотердайк П.* Критика цинического разума / П. Слотердайк ; пер. с нем. А. Перцева. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009.

15. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2005.

16. *Gress D.* From Plato To NATO : The Idea of the West and Its Opponents. – N. Y. : Free Press, 1998.

17. *Эриксен Т. Х.* Тирания момента. Время в эпоху информации / Т. Х. Эриксен. – М. : Весь мир, 2003.

18. *Grois B.* O konspirologii, kritike I liubvi. – Mode of access: <http://syg.ma/@furqat>

19. *Бадью А.* Малое руководство по инэстетике / А. Бадью. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2014.

Воронежский государственный университет

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: edu@main.vsu.ru

Тел.: 8(473) 255-08-97

Voronezh State University

Ishchenko E. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: edu@main.vsu.ru

Tel.: 8(473) 255-08-97